

Оксана Пашко
(Киев)

"ИНДИЯ" В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. КЛЮЕВА
(К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ
МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА)*

Дух ли это славы,
Город златоглавый,
Савана ли плеск?¹

Уже указывалось, что клюевский "топонимический код", хранящий, как в свернутых свитках, исторические предания, агиографию, свидетельства материальной культуры народа и многообразные проявления его духа,² — насущно важен для проникновения в ткань художественного мира поэзии Н. А. Клюева. В этой работе я попыталась собрать все отрывки из стихотворений, статей и писем поэта, где упоминается слово "Индия". Проанализировав значения, которые можно восстановить из контекста, мы приблизимся к пониманию того, что же представляет собой "Индия" для поэта.

Образ Индии, миф об Индии, реалии и реальность этой страны занимала многие умы на рубеже веков. Теософия, антропософия, Н. Рерих, А. Белый, Вяч. Иванов, Н. Гумилев — далеко не полный перечень имен деятелей отечественной культуры, для которых Индия была страной загадок, откровений, тайны. Но в творчестве Н. А. Клюева Индия занимает, без преувеличения, центральное место. Вот как говорит художник о поэзии: "Знак же истинной поэзии — бирюза. Чем старше она, тем глубже ее голубо-зеленые смуты. На дне их самое подлинное, самое любимое, без чего не может быть русского художника, моя Избяная Индия"³.

Пониманию "Индии" как священного имени мешает наше представление об Индии как определенной, географически локализованной стране. Но если прочесть это имя на языке олонечского наречия, то "Индия" — это указание на иное место, на иное царство: "инди" — в другом месте, в другой раз"⁴.

* Автор выражает глубокую признательность Л. А. Киселевой за оказанную помощь при написании этой статьи.

"Индия" по сути своей не название, а указание. "Индия" — то же самое, что и "Оно" — местоимение указующее, смысла в себе не несущее (о перевоплощениях "Оно" рассказано в "Белой повести").

Раздел "Долина Единорога" в "Песнословие" начинается поэмой "Белая Индия". Имя "Индия" употребляется только в заглавии, хотя весь текст посвящен Индии, является ее символическим описанием, что говорит об особом табуировании имени (в древности табуировались священные имена, наделенные особой сакральностью). Если прочитать поэму внимательно, то можно выделить те имена, которыми заменяется сакральное имя. Подобная многоименность сохранилась и в традиции византийского богословия, в трудах Дионисия Ареопагита⁵.

Все произведение — это рассказ о том, как Нечто было потеряно и потом чудесным образом обретено. Там, где были хаос и бездна, появились космос и человек. Однако в процессе миротворения "на дне всех миров", оказалось сокрытым это драгоценное "Нечто". Как Оно определяется поэтом? Была потеряна "сказка", "алмазный узор", "талисман Земли", "ладанка Божья", это "Сердце Господа", "Немолчный таран", "рычаг вселенский", "пята золотая", "Золотая Орда", "бор адамантовый", "бор незримый", "душа". "Нечто" может быть означено и словами "потеряшка", "Безвестное", "Жизнь Села", "царство", "Мирская Душа", "Коврига Вселенной и Месячный Нож", "таинственный Ужин" и даже "хрустальный сверчок". Сюда же следует включить и ряд образов, которые являются поэту, когда наступает момент прозрения, причащения, духовного освобождения и выхода из своего замкнутого пространства. Это "Предвечность" в образе спящей коровы и удивительная панорама еще не проснувшегося, не преображенного мира, в котором после вселенской жертвы ("Коврига Вселенной и Месячный Нож") и появления Мирской Души воцаряются свет и истина. Но огромное пространство сворачивается в маленькую часть человеческого тела—"губу", которая оказывается "поморьем Господней губы", это и деревня (в потемках) — "Христова Брада, где я заблудиться готов навсегда", это и "ночная деревня-преддверие Уст" (Христовы Уста), это и "волхвующий звон", который "сгоняют" Ангелы в уши путнику, это и Звук: "К ушам прикормить бы Зиждительный Звук". Все перечисленные имена могут быть заменены одним простым местоимением — "Оно", путешествие которого было описано в

"Белой повести", произведении, непосредственно предшествующем "Белой Индии". В ряду подобных номинаций, число которых возрастает в других произведениях, имя "Индия" занимает, пожалуй, иерархически высшее место (поэтому табуировано). Но дело усложняется тем, что подобный вывод правилен только для данного контекста; в других все может измениться, и самое низкое для нашего человеческого мышления имя будет символизировать Божественную Сущность⁷.

Теперь я попытаюсь проследить другие изменения значения слова "Индия" и углубить прежде сказанное. "Индия" часто связана с некоторой страной, пространством упорядоченным и обжитым, с раем, местом святым и обетованным. "И страна моя, Белая Индия, // Преисполнена тайн и чудес!" "Индия" вообще является знаком Востока (на востоке восход солнца; по традиционным представлениям, — это место рая). "Уйду на солнцепеки, // В Индийский край далекий, // Где зори шьет весна!", это обетованный край, с которым жаждет соединиться Русь, с ним она кровно связана: "Смертные тени пали... на жемчужную тропу, что вьется невидимо от Печенеги до индийских тысячестолпных храмов, некогда протоптанных праведными лапоточками мучеников народных, светоискателей и мужицких спасальцев⁸". Как одно из названий ныне невидимого святого града, "Индия" есть Китеж, Русь (в поздних стихотворениях появляется образ родной страны, спрятанной в вещь или слово: "Я Алконостную Россию // Запрятал в дедовский сусек"). Это и город Лидда, Золотая Орда, Царьград, Заозерье, Заонежье, Соловки, Четвертый Рим, Арахлин-град, Царское Село... другие.

Город Лидда упоминается в "Деяниях Апостолов" как город, в котором "рано образовалась... христианская церковь. Город Лидда был отечеством великомученика Георгия, который при Диоклетиане был замучен в Никодимии и здесь же погребен"⁹. Существовала и "Лиддская, или Римская икона Божьей Матери, нерукотворенная, чудесно явившаяся в городе Лидде по мольбе ап. Павла и Ионна Богослова. Писанная красками на одном из столпов храма, икона не поддавалась никаким попыткам уничтожить ее во время гонения в 4 в."¹⁰. Как видим, сведения об иконе полностью совпадают с текстом "Погорельщины", но сам город оказывается в Индии. "Слушайте повесть о Лидде, // Городе белых цветов. // Как на славном Индийском поморьи,.. // Срубил князь Онорий Лидду-град... "Аналогично отождествляется

"Индия" с Китежем. "Светел запечный притин — // Китеж Мемелф и Арин". "Честна вдова Мамелфа Тимофеевна" — мать Дюка Степановича из одноименной былины, гостя индийского, — государыня Индии. Поэтому Китеж Мемелф — это Индия Мамелфы.

Подробнее остановимся еще на двух именах, близких "Индии", — это Золотая Орда и Царское Село. Золотая Орда — этот топоним содержит, как часто бывает у Клюева, противоречивые смыслы. С одной стороны, это знак Востока, с другой — это "Мамай" и "Татарщина", которые обозначают враждебное начало. "И на радении хлыстовском, // Как дед на поле Куликовском // Изгнал духовного Мамайа // Из златоордного сарая"; или: "Будет, будет русское дело — // Объявится Иван Третий // Попрать татарские плети".

Интересно, что и образ Саула, Упоминаемый в "Белой Индии", по-видимому, восходит не только к Библии¹¹, но и к герою былины "Саул Левандинович, который отправляется именно в Орду взымать дань. Это может объяснить, почему слова "Нырни в веретенце, и нитка-леха // Тебя поведет в Золотую Орду, // Где ангелы варят из радуг еду" соседствуют с библейской аллюзией: "Я первенец Киса, свирельный Саул, // Искал пегоухих отцовских ослиц // И царство нашел многоценней златниц", — т. е. с библейским Саулом — первым царем Израиля. Здесь Орда Саула Левандиновича контаминируется с царством Саула, сына Киса; они же, в свою очередь, восходят к "потеряшке" (см. выше) и "Белой Индии", т. е. в произведениях поэта происходят постоянные контаминации, отождествляются различные имена, становясь таким образом взаимозаменяемыми.

Царское Село можно по многим признакам отнести к одному из имен, обозначающих рай как реально существующую землю. Подобное описание Царского Села содержится в "Песни о Великой Матери". Вдумаемся в само название. Во-первых, село, т. е. связанное с землей, со святостью, крестьянским, христианским миром. "Царь-от живет в селе, // Как мужик... на живой земле"¹². Во-вторых, царь (учитывая всю сложность отношений к царю, выраженных в произведениях Клюева) приобретает мессианские черты. Царя, как и раньше Блока, Есенина, надо вырвать из ада города, греха, разврата, чтобы тот мог осуществить свое признание. "Кличь кукушкой царя от Рассеи // В соловецкую белую Русь! // Иль навеки шальная рубаха // И цыганского пли-

са порты // Замели, как пургою, с размаха // Мономаховых гра-
мот листы?!"; или: "Слишком тяжкая выпала ноша // За нечис-
тым брести через гать, // Чтобы смог лебеденок Алеша // Боро-
датую адскую лошадь // Полудетской рукой обуздать"¹³. Инте-
ресно описывается и Феодоровский собор — "кувшинка со дна
Светлояра". (Светлояр — озеро, в котором схоронен град Ки-
теж.) Наконец, царскосельский сад связан с именем Пушкина,
поэзия которого дает жизнь миру: "Плутовки осы нектар строчек
// Носили с пушкинской скамьи // В свое дупло..."¹⁴. Кроме то-
го, здесь упоминается сад. Рай представляли именно в виде Сада
и Града¹⁵. "Индия" как сад предопределяет соответствующую
символику цветка (ср. у Данте рай в виде цветка). В поэме
"Погорельщина" проясняется значение цветка как знака мучени-
чества и святости: обыгрывается и название книги "Цветник",
содержащей различные поучения. "А и всем пригоже у Онория //
На славном индийском помории. // Только нету в лугах мала
цветика, // Колокольчика, курслепика... // В садах не алело ро-
зана, // "Цветником" только книга прозвана". Появляются цветы
лишь из "вап иконных" — с иссеченого лика Богородицы.

Уже цитировались слова Н. А. Клюева об "Избяной Индии"
как самом подлинном и необходимом для художника. "Изба"
здесь мыслится как храм, как Церковь, т. е. это место на земле,
где пребывает Господь, это и будущее Царство Духа и Истины,
это и Слава Господня, через которую Он нисходит на землю, это
на тропологическом уровне и тело человека. "Индия" — центр
Избы, нечто сущностное, нетленно и неизменно пребывающее в
нашем мире. "Индия" — это Христос, это Рай, это Хлеб, это са-
мое глубинное, самое простое и явное, самое скрытое и потаен-
ное, что вообще существует.

Так образ реально существующей страны, локализованной в
пространстве, переходит в образ "горницы сердца". Но тело че-
ловека для поэта — тоже "страна", по которой можно путешест-
вовать, познавая Вселенную (см. ст-е "Путешествие"). Выше
приведенные слова Клюева о "жемчужной тропе" можно истол-
ковать как иносказание, аллегорию духовной жизни. Но вот бо-
лее яркое, развернутое описание пути в "Белую Индию", на ко-
тором преобразается естество человека, становящегося космиче-
ским существом. "иконописные миры, где живет последний тре-

пет серафимских воскрылий, волоск^{*}, преодолев который, человек становится космическим существом,... внутренний гром слова-былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного и еще особого человеческого состояния, которое мужики-хлысты зовут Божеством Ангелов, — вот тайные, незримые для гордых взоров веки, ведущие Россию в Белую Индию¹⁶. Святые земли становятся снами: "Индийская земля, Египет, Палестина — // Как слово в сосуд, отлились в наши сны". Итак, "Индия" связана и с человеком, который заключает в себе всю Вселенную; из его тела, как из строительной жертвы, эта Вселенная возникла.

Можно однозначно определить, что "Индия" — это Слово, символ его инобытия. Путь к постижению Слова — это "сказка", "узорочье" (ср.: "В Индию, в сказку, в ковригу... // (Горстен гусельный кус") Это некое плетение смысла, тайные знаки орнамента: "Меж трав волшебных Анатолий, — // Мой песноглаз, судьба-цветок, // Ему ковер индийских строк". Или: "...встретил по дороге // Отроковицу мних. // Кормил ее изюмом, // И вторя травным шумам, // Слагал индийский стих"¹⁷. В стихотворении "Русь-Китеж" слова: "На лежанку не сядет дед, // В валенках-кораблях заморских // С бородищей-пристанью лет, // С Индией узорною в горстках", — можно истолковать благодаря иконописному коду как изображение иконы "Отечество", где на коленях Бога-Отца сидит Сын (вечное ипостасное Слово Божие). Поэт сам указывал на связь своей образности и логики художественного мышления с архитектурной и символикой убранства индийских храмов, "Некоторая густота образов..., которая на первый взгляд может показаться злоупотреблением ими, — создалась,.. совершенно свободно по тем же тайным указаниям и законам, по которым, например, созданы индийские храмы, представляющие для тонкого... вкуса европейца невообразимое нагромождение, безумное изобилие и хаос скульптур богов, тигров,.."¹⁸ (На значение данного соответствия в поэтике Клюева уже указывалось¹⁹.)

При создании своего образа "Индии" поэт использует представление об "Индии богатой", распространенное в Древней Руси, в частности в былинах "Дюк Степанович", "Волх Всеславьевич". "Мы с радужных Индий дождемся парома, // Где в звезд-

* Т. е. труднопреодолимый путь.

ных тюках пошелуи и звон", "Ой, вы, други, гости званые, // Са-
пожки на вас сафьянные, // Становой кафтан — индийская пар-
ча, // Речь орлиная смела и горяча" или: "Иль в бумажной кис-
лой манишке // Озаренье индийской парчи?". Мы можем замети-
ть, что с образом этой загадочной страны связано и особое от-
ношение к вещи, ее онтологический статус. Вещь, сделанная че-
ловеком, становится частью его бытия. Создавая вещи, человек
упорядочивает и пронизывает разумностью злую самость небы-
тия. Вещи хранились и передавались по наследству, они были
памятью рода, заветом и словом ушедших предков. Но
прежде чем таковым стать, они освящались, как освящалось все
человеческое бытие. Примером подобного таинства освящения
вещи может служить отрывок о зипуне в "Песни о Великой Ма-
тери" (см. также ст-е "Вылез тулуп из чулана..."). Поэтому опасно
надевать чужую одежду, можно навредить себе: "К ним
(сорочкам — О. П.) утиральников стопой, // Чтоб не утерлася в
чужой, // Не перешла б краса к дурнушке"²⁰.

"Индия" — это и Хлеб, который в таинстве Евхаристии реаль-
но становится плотью Христа. Ранее уже приводилась цитата о
"Ковриге Вселенной и Месячном Ноже". Тот же смысл в сле-
дующих строчках: "Неспора починка, и стег неуклюжий, // Да
море незримое нудит иглу... // То Индия наша, таинственный
ужин, // Звенящий потирами в красном углу". Хлеб, Коврига
имеют у Клюева неизменно сакральное значение: это центр его
мирознания ("Золотые столбы России: Китоврас, Коврига и
Печь). В поэме "Мать-Суббота" раскрывается таинственный
смысл Ковриги (знак самого Христа). Коврига — это и брачный
каравай (брак как венец земных судеб, воссоединение Жениха-
Христа с Церковью-Невестой). В "Избных песнях" Коврига-
"избное Солнце" приносит себя на заклание, чтобы "светлая ра-
дость спасенья зарела в ребяческих глазках". В словах: "Много
полюдных дорог — в Индию, в сказку, в ковригу" — Хлеб отожд-
ествляется с "Индией" и со Словом (с Христом).

"Индия" — это и икона, которая реально являет образ Выш-
ших Сил, это "таинственный ужин" звенящий потирами в крас-
ном углу". Как известно, в красном углу находились иконы. На
значение икон в своем творчестве Клюев не раз указывал, возво-
дя к ним особенности своего миропонимания и своей поэзии²⁰.
Перекликается значение "Индии" как иконы и с другими выде-
ленными в данной работе. Икона — это Нечто, зримо свидетель-

ствующее о священных событиях, что внятно каждому верующему, в отличие от слова, которое — лишь для посвященных; т. е. икона — это тот же "алмазный узор", та же "сказка". Это то, что своим узорочьем приближает нас к постижению жизни Невидимой и Непознаваемой, открывающейся лишь в моменты особого прозрения. Икона — это и вещь, созданная человеком благодаря тайному водительству Высших Сил. Поэтому, согласно преданию, если иконописец не осмеливается или не успевает написать образ святого, то за него это делают Ангелы (см., например, житие Алипия в Киево-Печерском патерике).

Итак, прочитав эти строки недоуменный читатель может спросить: а все же, что такое "Индия" в творчестве Клюева? И оказывается, на такой конкретный вопрос просто невозможно ответить. Ибо сам автор раскрыл перед нами целый веер имен, значений, указав тем самым на одно-единственное неназываемое Имя той глубинной сущности, которая является И н о й, отличной от тварного бытия. Человеческий язык слишком несовершенен, чтобы иметь истинное имя для обозначения Бога (либо это имя есть, но известно немногим, и требует особого посвящения, чтобы научиться правильно произносить его). Единственный выход — в нанизывании слов, обозначающих некоторые качества Истинного. Лишь таким образом приближаются к постижению Непостижимого, и конечным результатом подобного постижения будет слияние с Постигаемым, молчание и тишина. Аналогичным образом "Индия" — это и страна, и город, и человек, и вещь, и хлеб, и икона, и слово. "Индия" — это все и одновременно Ничто, так как называя что-то, мы уже не называем, зная что-то — уже не знаем. "Он играет, нежный камень, // Речкой, облачком, стихами, // И твоим, дитя, письмом — // Голубым лесным цветком!". Единственное, что мы можем сказать об "Индии" одним словом, — это сущность. **Есть**²². "Индия" — это то, что Есть, ибо "было свидетельство"; это место, где человек и Бог соединяются в единственном и истинном бытии. "Индия" — это место, где человек может истинно жить, где он тоже Есть. "Пусть стол мой и лавка-кривуша — // Умершего дерева души — // Не видят ни гостя, ни чаши, — // Об Индии в русской светелке, // Где все разноеверья и толки, // Поэт, как струна, карандаш. // Там юных вселенных зачатки — // Лобзаний моих отпечатки — // Предстанут как сонмы богов".

Таким образом, мифологическое пространство "Индии" в творчестве Клюева есть хронотоп Слова, Бога-Слова русской народной культуры. О безмерности этого пространства свидетельствуют постоянные определения Клюевым собственного поэтического слова "бездонное" или "пододонное":

"В мое бездонное слово // Канут моря и реки".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Далее все произведения цитируются по изданию: Клюев Н. Сочинения: В 2 т. — Мюнхен, 1969.

2. Киселева Л. А. Семантические поля клюевской топонимики /к постановке вопроса // Вытегорский вестник. — 1994. — № 1. — С. 10.

3. Цит. по: Азадовский К. Николай Клюев. — Л., 1990. — С. 285.

4. Куликовский Г. А. Словарь олонецкого наречия. — СПб, 1898.

5. "Каждый символ (=знак=образ) может иметь ряд значений в зависимости от контекста, в котором он употреблен, и от личных свойств ("природы") созерцателя... Ареопагит разрабатывает сложную иерархию образов, с помощью которых и передается истинная "информация" с уровня "сверхбытия" на уровень человеческого существования... Многозначный образ являлся основным в системе византийского знания" // Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. — К., 1991. — С. 87—88.

"Индия" и есть пример многозначности образа. На уровне более высоком, имена Китеж, Русь, Индия — лишь разные значения одного слова, по сути своей неназываемого.

6. Возможно несколько толкований: пятка, пята — часть ноги; "пята" — у крестьянских дверей на этом месте шип, вставленный в гнездо, почему "расстворить двери на пята — распахнуть настежь" // Даль В. Толковый словарь: в 4 т. — М., 1956. — Т. 3.

7. Например: Христос=Садко=овин. "за стихи свеча — Садко-овину", "И братина море струнно-пенное // Выплеснет Садко богатство // Выстроит Садко избу соборную". Здесь Садко=Христос.

8. Клюев Н. Сдвинутый светильник // Звезда Вытегры. — 1919. — 25 мая. — № 22.

9. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. — М., 1992. — Т. 2.

10. Там же... Т. 2.

11. Саул — первый царь Иудейский. Блуждая в поисках потерянных ослиц, встретил пророка Самуила, который помазал его на царствие. См.: 1 Цар. 10; 2—6.

12. Цит. по: Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. — М., 1991. — № 11. — С. 39.

13. Там же ... С. 38.
14. Там же... С. 38.
15. Ср. у Клюева Н.: "Толстая фрегатов морских — // Стихов острокрылых живых // У каждого в крыльях закат, // Чтоб рдян был поэзии сад"; "И будет Русь, как светлый сад".
16. Клюев Н. Порванный невод // Москва. — 1987. — № 11. — С. 30.
17. Цит. по: Клюев Н. Песнь... С. 18.
18. Клюев Н. Письма к В. С. Миролубову // Литературное обозрение. — 1987. — № 8. — С. 107.
19. Киселева Л. А. Поэма Николая Клюева "Мать-Суббота" (В печати).
20. Цит. по: Клюев Н. Песнь... С. 11.
21. См.: Киселева Л. А. Русская икона в творчестве Николая Клюева // Православие и культура. — 1996. № 1. — С. 46—65.
22. Вяч. Иванов. Ты Еси // Вяч. Иванов. Родное и Вселенское. — М., 1994. — С. 91—96.

Полина Побережкина

КЛЮЕВСКОЕ СЛОВО В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Творческие взаимоотношения Анны Ахматовой и Николая Клюева незаслуженно оказались на периферии современного литературоведения. Немногочисленные исследования, посвященные этой проблеме, — прежде всего, работы К. М. Азадовского и Л. К. Швецово́й [14; 30] — по сути сводятся к рассмотрению биографических контактов двух поэтов и упоминанию китежской темы и клюевского эпитафия к "Поэме без героя". Между тем мы имеем дело с мощным поэтическим диалогом, длившимся десятилетия и не прекратившимся после гибели одного из участников. Анализу трех путей этого диалога в творчестве Ахматовой и посвящена данная работа.

1. В кругу "серебряного века"

Неоднократно отмечалось, что изучение вопроса о литературных контактах тех или иных писателей начала XX в. всегда выводит за рамки творчества этих писателей. Пресловутое единство "серебряного века" русской культуры проявлялось по-разному: конечно, прежде всего это поэтический диалог с литературными